

Павлова Татьяна Леонидовна

"ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЙ" КОНФЛИКТ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В статье рассматривается "поэтологический" конфликт в лирике Марины Цветаевой. Анализ циклов "Сивилла", "Стихи к Пушкину", "Маяковскому" позволяет говорить о том, что данный конфликт соотносится практически со всеми миромоделирующими оппозициями, например "статика и динамики", "быта и бытия". Поэтический дар лирического героя или героини становится роковым для его носителя, поскольку связывается с божественным началом. Автор доказывает, что "поэтологический" конфликт оказывается семантическим центром экзистенциальной проблематики в творчестве М. Цветаевой.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 10(76): в 3-х ч. Ч. 3. С. 27-30. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/10-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

“THE BOOK OF MARGERY” BY M. KEMPE AS A MONUMENT OF EARLY ENGLISH PROSE

Nikola Marina Ivanovna, Doctor in Philology, Professor
Moscow State University of Education
nikola7352@mail.ru

The monument of the medieval English prose “The Book of Margery Kempe” (the XV century) is examined in the genre aspect and is characterized as a spiritual autobiography describing heroine’s religious searching and her experience of Communion. Considering genre nature of the book, the researcher identifies the features of hagiography and vision. Analyzing the gender aspect of narration the researcher discovers a certain similarity between “The Book of Margery Kempe” and “Revelations” by Julian of Norwich. At the same time the author emphasizes the originality of the monument in the context of the English mystical prose of the mentioned period. The paper is the first attempt to study the monument in its meaningful aspects in the domestic medieval studies.

Key words and phrases: Margery Kempe; Julian of Norwich; mystical prose; spiritual autobiography; hagiography; vision.

УДК 8; 821.161.1

В статье рассматривается «поэтологический» конфликт в лирике Марины Цветаевой. Анализ циклов «Сивилла», «Стихи к Пушкину», «Маяковскому» позволяет говорить о том, что данный конфликт соотносится практически со всеми миромоделирующими оппозициями, например «статика и динамика», «бытие и бытия». Поэтический дар лирического героя или героини становится роковым для его носителя, поскольку связывается с божественным началом. Автор доказывает, что «поэтологический» конфликт оказывается семантическим центром экзистенциальной проблематики в творчестве М. Цветаевой.

Ключевые слова и фразы: М. Цветаева; поэт; конфликт; оппозиция; поэтический дар; мотив; лирическая героиня.

Павлова Татьяна Леонидовна, к. филол. н.
Технический институт (филиал)
Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова, г. Нерюнгри
pavlova-sizykh@yandex.ru

«ПОЭТОЛОГИЧЕСКИЙ» КОНФЛИКТ В ЛИРИКЕ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

В художественном мире Цветаевой поэтическое призвание всегда маркируется как отклонение от нормального порядка вещей. Поэт для Марины Цветаевой – это человек, который не укоренен в социальном миропорядке, он всегда находится в погранично-экзистенциальном положении. Сакральность поэтического дара и богоподобность его носителя вполне закономерно приводят к тому, что возникает конфликт поэта и мира.

Наделение лирического героя/героини поэтическим даром имплицитно предполагает появление экзистенциального конфликта с действительностью, которая в этом случае воплощается в образе «многих», в то время как сам герой или героиня предстают как *единственные в своем роде*. Этот семантический комплекс реализуется в стихотворении «Не для лстивых этих риз, лживых ряс...». Здесь наряду с тем, что данный конфликт выражается совершенно прямо, обращает также на себя внимание семантика «кривости», которая как бы «разлита» по стихотворению. С. М. Толстая отмечает, что в славянском языковом сознании эта семантика связывается с неправильностью, что еще раз подчеркивает противопоставленность носителя поэтического дара толпе [5, с. 275-290].

Наиболее остро и ярко конфликт, связанный с темой поэта и поэзии, воплощается Цветаевой в цикле «Сивилла» [3]. В первом стихотворении этого цикла данный конфликт связывается с оппозициями «*божественное – человеческое*», «*духовное – материальное*», «*смерть – жизнь*». Все эти поистине универсальные оппозиции формируют лирический конфликт первого стихотворения, при этом данный конфликт становится основной его лирического сюжета. Лирический сюжет стихотворения можно описать следующим образом: внутреннее губительное опустошение лирической героини, которая, лишаясь человеческого измерения, становится носителем голоса бога, стихии поэзии и вдохновения. Сам же конфликт соотносится с тем, что героиня выпадает из обиденного миропорядка, теряет свою человеческую сущность:

Сивилла: выжжена, сивилла: ствол.

Все птицы вымерли, но Бог вошел.

<...>

Сивилла: выбыла, сивилла: зев

Доли и гибели! – Древо меж дев.

<...>

Бренная девственность, пещерой став

Дивному голосу...

– так в звездный вихрь

Сивилла: выбывшая из живых [6, с. 136].

Этот сюжет в его инвариантном виде был задан еще Пушкиным [1]. Так, его пророк претерпевает такие же психосоматические трансформации. Однако в контексте поэзии Цветаевой данный лирический сюжет, связываясь с единицами ее поэтического мира, наделяется несколько иными смыслами. Божественное начало, дающее пророческий дар, оказывается в интерпретации Цветаевой губительным, так как оно уничтожает все сугубо человеческое. Эта цветаевская трактовка божественного, духовного объясняет многие мотивы ее стихотворений: мотив «ревности богов», которой подвергается их любимица, генетически связывается как раз с такой оценкой духовного. Поэтому сфера духа в лирике Цветаевой, вступающая в неразрешимые противоречия со сферой материально-телесного, оказывается роковой и губительной. И недаром образ бога во многих случаях оказывается карающим.

Во втором стихотворении цикла возникает та же оппозиция духовного и телесного, которая, связываясь с темой поэта и поэзии, продолжает развивать лирический конфликт первого текста. Здесь Цветаева противопоставляет материальное и духовное через оппозицию тела и голоса, который всегда у Цветаевой соотносится с областью духовного. Однако голос здесь еще оказывается и метафорой поэтического дара, который в таком контексте входит в противоречие с материально-телесной человеческой сущностью. Именно поэтому данный конфликт оказывается неразрешимым: дар поэзии, связываясь со сферой божественного и духовного, становится роковым для его носителя:

*Каменной глыбой серой,
С веком порвав родство.
Тело твое – пещера
Голоса твоего [6, с. 137].*

В заключительном стихотворении оппозиция материального и телесного связывается уже не с поэтическим, но с онтологическим конфликтом. Такое изменение принципа интерпретации этого противопоставления, с одной стороны, свидетельствует о близости семантических областей поэзии и бытия в лирике Цветаевой, а с другой стороны, позволяет утверждать, что пары оппозиций репрезентируют базовый, фундаментальный уровень картины мира Цветаевой, поскольку они, коррелируя с самыми разнообразными конфликтами, скрепляют цветаевскую «конфликтосферу» в единое семантическое целое.

В данном стихотворении лирическая героиня предстает действительно как пророчица-сивилла (без поэтологических коннотаций). Конфликт здесь заключается в непримиримом антагонизме этих начал, а «носителем» конфликта оказывается «младенец», только что родившийся человек. Конфликт этого типа, несомненно, типологически сходен с некоторыми символистскими лирическими сюжетами, которые, в свою очередь, восходят к гностицизму. Вспомним известнейшую гностическую мифологему Души Мира, попавшей в плен к злому хаосу (материи). Лирический сюжет цветаевского стихотворения, движимый этим древним конфликтом, практически с точностью повторяет основные элементы гностического сюжета:

*К Грудь моей,
Младенец, льни:
Рождение – паденье в дни.*

*С заоблачных нигдешних скал,
Младенец мой,
Как низко пал!
Ты духом был, ты прахом стал [Там же, с. 138].*

Однако во второй части стихотворения Цветаева предлагает разрешение этого непримиримого конфликта, и сам сюжет как бы «оборачивается вспять». Возвращение к изначальной гармонии возможно только через смерть, и смерть снова оказывается универсальным образом-медиатором, который позволяет снять все трагические противопоставления. Ср.:

*Но узришь! То, что в мире – век
Смежение – рождение в свет.*

*Из днесь –
В навек.*

*Смерть, маленький, не спать, а встать,
Не спать, а вспять.*

*Вплавь, маленький! Уже ступень
Оставлена...
– Восстанье в день [Там же].*

Поэтологическая тематика появляется и в стихотворении «Леты подводный свет...», где она связывается с тем же базовым конфликтом: поэтический дар является роковым началом, и он несовместим с человеческой сущностью. Роковая семантика поэтического дара приводит к появлению темы смерти в стихотворении, которая реализуется через мотив «вскрытия» певческого горла (ср. образ голоса в цикле «Сивилла»):

*Леты подводный свет,
Красного сердца риф.
Застолбенел ланцет,
Певчее горло вскрыв:*

*Не раскаленность жерл,
Не распаленность скверн –
Нерастворенный перл
В горечи певчих горл [Там же, с. 141].*

В цикле «Маяковскому» также разворачивается конфликт, связанный с темой поэта и поэзии [2, с. 27]. Маяковский предстает здесь как человек-гигант, что, с одной стороны, является аллюзией на его творчество, а с другой стороны, – маркирует тему поэта в лирике самой Цветаевой. Однако нас интересует не тематический уровень цикла, а тот конфликт, с которым он связан. А этот конфликт базируется на противопоставлении *быта и бытия*, что особенно ярко просматривается в третьем стихотворении цикла. Быт оказывается губительным началом для поэта, и та любовь, которая послужила причиной его гибели, как утверждает Цветаева, связывается, скорее, с бытом, нежели с идеальным планом бытия:

*И полушки не поставишь
На такого главаря.
Лодка-то твоя, товарищ,
Из какого словаря?*

*В лодке, да еще в любовной
Запрокинуться – скандал!
Разин – чем тебе не ровня? –
Лучше с бытом совладал [6, с. 275].*

Связь быта и бытия со статикой и динамикой в этом «метапоэтическом» стихотворении явно не прослеживается, чего нельзя сказать о знаменитом цикле «Стихи к Пушкину». Центральный конфликт цикла, с одной стороны, связывается с его тематикой, а с другой стороны, он формируется через оппозицию «*статическое – динамическое*». Именно эта оппозиция обуславливает как композицию первого стихотворения цикла (которое строится как ряд последовательно нанизываемых антитез), так и его узловой конфликт, который можно обозначить как столкновение стихийной и подвижной сущности поэта с застывшим косным материальным миром.

Разворачивание этого конфликта обнаруживаем и в четвертом стихотворении цикла, где на ином образно-мотивном материале происходит столкновение Пушкина как носителя динамического восприятия жизни с косностью мира. В целом этот конфликт связывается с неоромантической подоплекой цветаевского решения темы поэта и поэзии, когда поэт предстает как активный борец против пошлости, что выносит его за скобки общества и мира. Примечательно, что в семантический ореол данного конфликта в стихотворении включается и тема судьбы, что вполне объяснимо с учетом логики развития этих конфликтов: как противостояние поэта и быта соотносится с оппозицией статики и динамики, так и противостояние человека и судьбы связывается с этой же оппозицией. Ср. в стихотворении:

*Преодоление
Косности русской –
Пушкинский гений?
Пушкинский мускул*

*На кашалотье
Туше судьбы –
Мускул полета,
Бега,
Борьбы [Там же, с. 287].*

Этот конфликт на метапоэтическом уровне связывается с конфликтом духа и материи, быта и бытия. Эта семантическая связь объясняется опять же тем, что в основе данных конфликтов лежит одна базовая оппозиция: противопоставление статики и динамики. В указанном смысле все эти конфликты оказываются своеобразными неполными синонимами, о чем свидетельствует их частая встречаемость в рамках одних и тех же циклов.

Конфликт поэта с миром возникает и в стихотворении “ *Ici – haut*”, само название которого указывает на онтологические координаты, где он разворачивается («Здесь – в поднебесье» (фр.)). Указание на пространство сразу вводит в цикл центральное противопоставление *верха и низа*, которое, как мы помним, было особенно значимым для неоромантической картины мира Цветаевой. Поэт связывается с верхом, с горой, что указывает на его принадлежность к иному миру, миру горнему. Однако эта связь по своей сути оказывается амбивалентной, так как принадлежность к горнему миру очень часто маркируется у Цветаевой мотивом смерти – данный цикл не стал исключением.

Конфликт поэта и мира здесь осложняется конфликтом поэта и общества. Но если первый тип конфликта связывается с универсальной оппозицией верха и низа, то второй тип конфликта соотносится с иной оппозицией, которая практически всегда сопровождает тему поэта, – противопоставлением человеческой массы и индивидуальности. Ср.:

*В век распевай, как хочется
Нам – либо упраздним,
В век скопищ – одиночества
– «Хочу лежать один» –
Вздых [Там же, с. 304]...*

Отсюда и проистекает разрешение конфликта поэта и других людей. Онтологическая принадлежность поэта к иной, духовной сфере противопоставляет его людям, но делает равным Богу.

Таким образом, «поэтологический» конфликт в лирике Цветаевой оказывается воистину *семантическим центром* экзистенциальной проблематики. Он соотносится практически со всеми миромоделирующими оппозициями, что в очередной раз подчеркивает его принципиальное место в художественном мире поэтессы.

Список источников

1. Киперман Ж. «Пророк» Пушкина и «Сивилла» Цветаевой (элементы «поэтической теологии и мифологии») // Вопросы литературы. 1992. № 3. С. 94-114.
2. Маслова М. А. Марина Цветаева: над временем и тяготеньем. Минск: Экономпресс, 2000. 224 с.
3. Медведева К. А. Стихи о Сивилле, Орфее и Эвридике как звено концепции поэта в лирике М. Цветаевой начала 20-х годов // Некоторые проблемы русской и зарубежной литературы: сб. ст. / отв. ред. О. А. Финько. Владивосток: Дальневосточное книжное издательство, 1974. С. 16-28.
4. Петросов К. Г. Стихи М. Цветаевой о Пушкине // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: межвузовский сборник научных трудов. Иваново: ИГУ, 1999. Вып. 4. С. 170-172.
5. Толстая С. М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М.: Индрик, 2008. 528 с.
6. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Эллис Лак, 1994-1995. Т. 2. 592 с.

“POETOLOGICAL” CONFLICT IN M. TSVETAeva’S LYRICS

Pavlova Tat'yana Leonidovna, Ph. D. in Philology
Technical Institute (Branch) of North-Eastern Federal University, Neryungri
pavlova-sizykh@yandex.ru

The article examines “poetological” conflict in M. Tsvetaeva’s lyrics. The analysis of the cycles “Sybil”, “Poems to Pushkin”, “To Mayakovsky” allows concluding that this conflict correlates with nearly all world-formative oppositions, for example, “statics and dynamics”, “everyday life and existence”. Poetical gift of a lyrical hero or heroine becomes fatal for its bearer because it is associated with divine element. The author argues that “poetological” conflict becomes a semantic center of existential problematics in M. Tsvetaeva’s creative work.

Key words and phrases: M. Tsvetaeva; poet; conflict; opposition; poetical gift; motive; lyrical heroine.

УДК 821.161.1

В статье анализируется иконичность – принцип, который позволяет осмыслить особенности взаимодействия мира бытийного и небесного, особенности эзотопики художественного произведения. Пристальное внимание автора направлено на понимание связи иконичного и художественного в образах первоучителей Кирилла и Мефодия в книге болгарского писателя Слава Христова Караславова. Рассматриваются иконичность как онтологическая и исключительная необходимость при осмыслении образов Кирилла и Мефодия, иконичность и авторская точка зрения в романе «Кирилл и Мефодий».

Ключевые слова и фразы: святые Кирилл и Мефодий; литература о первоучителях; иконичность; эзотопика; художественный образ; роман С. Х. Караславова «Кирилл и Мефодий».

Рябова Светлана Григорьевна, к. филол. н.
Иркутский государственный университет
ryabova.sg@mail.ru

СИНЕРГИЯ ИКОНИЧНОГО И ХУДОЖЕСТВЕННОГО В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ О СВЯТЫХ КИРИЛЛЕ И МЕФОДИИ

Для православной России почитание первоучителей Кирилла и Мефодия имеет особое значение: «*Ими бо начася на сроднем нам языке словенстем Литургия Божественная и все церковное служение совершатся, и тем неисчерпаемый кладезь воды текущая в жизнь вечную дадеся нам*» [10, с. 116].

Празднование памяти святых первоучителей было установлено Русской церковью в 1863 году. В Иконописном подлиннике под 11 мая сказано: «*Преподобных отец наших Мефодия и Константина, нареченного Кирилла, епископов Моравских, учителей Словенских. Мефодий – подобием стар, власы седы, брада долга аки Власиева, ризы святительские и омофор, в руках Евангелие. Константин – ризы преподобнические и в схиме, в руках книга, а в ней написана русская азбука А, Б, В, Г, Д и прочие слова (буквы) все по ряду*» [11, с. 271].